

Тао Хуайнань заговорил с хрипотцой и тяжёлым носовым оттенком:

— Не буду.

— Ого, — Тао Сяодун удивился, зашёл в комнату и, наклонившись, посмотрел на него. — Давай посмотрим? Что случилось с нашим маленьким царём? Ты даже слёзы пустил?

Тао Хуайнань плакал несколько часов назад, и следы уже исчезли, но голос выдал его. С досадой он отвернулся, не давая смотреть.

Тао Сяодун подхватил его под рёбра и поднял. Тао Хуайнань вскрикнул, а брат, смеясь, вынес его и бросил на диван.

— Ты такой надоедливый, — с недовольством сказал Тао Хуайнань.

Тао Сяодун потёр его щёку и назвал «плаксой».

Тао Хуайнань уже несколько дней был в холодных отношениях, и сегодня, решившись обнять за шею и успокоить, не добился успеха, а ещё и услышал, что он больной. Его терпение лопнуло, и он был в печали.

Тао Сяодун позвал Чи Ку пару раз, чтобы тот вышел и поел фруктов, а не лежал.

Чи Ку всегда слушался его. С опущенными веками он вышел и сел на самый крайний диван, раздражённо глядя на Тао Хуайнань.

Тао Хуайнань тоже хотел отвернуться и держаться подальше, но вспомнил, как днём Чи Ку бросился за него драться, и на лице остался след. Ему стало жалко.

Это было слишком тяжёлое чувство. Хотелось снова успокоить его, но было обидно и стыдно; хотелось вообще не разговаривать, но и этого не хотелось.

Эти две эмоции тянули его в разные стороны, заставляя простое сердце мучиться, и ребёнок даже заплакал.

Тао Сяодун, как миротворец, сидел посередине, тыкая одного в руку, другого в щёку, и с улыбкой спрашивал, в чём дело.

Тао Хуайнань заговорил первым:

— Он сказал, что я больной.

Чи Ку с другой стороны тут же ответил:

— Ты и есть больной.

— Вот видишь! — Тао Хуайнань хлопнул брата по руке. — Вот видишь, что он говорит.

Тао Сяодун только смеялся, думая, что его брат, хоть и подросток, остался таким же забавным, как в детстве. Он сжал щёку брата и сказал:

— Почему ты больной? Расскажи мне.

Потому что он сказал, что Чи Ку встречается. Этого он не мог сказать, как бы они ни

ссорились, секреты нарушать нельзя.

Тао Хуайнань покрутил в голове свои мысли и сказал:

— Просто он на меня злится, и его не успокоить, он не разговаривает со мной.

Он тут же терпеливо хранил чужой секрет, а тот вообще не придавал этому значения и сам сказал:

— Он про то, что я встречаюсь.

Тао Сяодун удивился и засмеялся:

— Правда?

Чи Ку не выражал никаких эмоций, его взгляд был пустым.

— Правда встречаешься? — Тао Сяодун с любопытством посмотрел на него. — Ну, вы уже в средней школе, а сейчас даже в начальной начинают.

Раз он сам сказал, Тао Хуайнань больше не стал скрывать и сказал брату:

— Он с нашей старостой каждый день вместе ходит на уроки и домой.

Чи Ку спросил:

— Я ходил на уроки?

Тао Хуайнань тут же поправился:

— Раньше!

Чи Ку кивнул и сказал:

— Ладно.

— Он сам встречается и не стыдится, а ещё говорит, что я больной, — Тао Хуайнань потёр нос.

Тао Сяодун тихо спросил Чи Ку:

— Правда встречаешься?

Чи Ку слегка покачал головой.

Тао Хуайнань рядом сказал:

— Видишь, он молчит, значит, признался.

Чи Ку спокойно сказал:

— Да, встречаюсь.

Тао Хуайнань чуть не подавился, его нос защемило от такого отношения Чи Ку. Он быстро встал с дивана и пошёл в комнату брата, чтобы сидеть и дуться.

С этого дня эти двое начали самый длинный в их жизни период холодной войны.

Тао Хуайнань даже перестал жить в их комнате, взял одеяло и пошёл спать к брату. Он злился и не мог заснуть, думая, что Чи Ку изменился, стал не таким, как в детстве.

Какие там щенки, слова не держит.

Они больше не держались за руки, Тао Хуайнань держался за ремешок рюкзака Чи Ку, и они больше не касались друг друга. Иногда Тао Хуайнань по привычке хотел взяться за руку, но потом быстро отдёргивал её. Зачем тебе моя рука, оставь её для старосты.

В школе они тоже не разговаривали, Тао Хуайнань всё время сидел, повернувшись к Чи Ку затылком. Он писал домашнее задание, которое оставлял Чи Ку, и бросал ему, чтобы тот проверил, а потом сам проверял ошибки.

В день экзаменов Тао Хуайнань не пошёл в школу, Чи Ку пошёл один.

Тао Хуайнань пошёл с братом на работу и всё время думал о Чи Ку и старосте.

Тао Сяодун тайком сказал ему, что Чи Ку не встречается, но Тао Хуайнань ответил, что он сам признался. Он просто тебя обманывает.

На зимних каникулах в классе были двухнедельные дополнительные занятия, но можно было приходить позже, не так строго, как в школе. Учитель не требовал, чтобы Тао Хуайнань ходил, сказал, что можно остаться дома.

Но Тао Хуайнань всё равно ходил, каждый день держась за ремешок рюкзака Чи Ку и идя с ним в школу, а вечером возвращался.

Чи Ку всегда долго злился, но Тао Хуайнань смог продержаться так долго, не успокаивая его, что было действительно сложно. На этот раз он был по-настоящему обижен.

Девочки, которые заботились о Тао Хуайнань, со временем тоже заметили, что братья поссорились. Чи Ку был в плохом настроении, а Тао Хуайнань выглядел обиженным. Пока Чи Ку не было, они спросили:

— Твои родители узнали, что Чи Ку рано начал встречаться?

Тао Хуайнань кивнул, что узнали.

— О Боже, твои родители его не побили? — девочки посмотрели в сторону старосты.

Тао Хуайнань зло сказал:

— Хорошо бы побили.

Чи Ку вернулся после того, как стёр доску, и девочки разошлись. Тао Хуайнань, опершись на руку, крутил ручку.

В последний день дополнительных занятий, после обеда, Тао Хуайнань достал из рюкзака апельсин, очистил его и разделил пополам, одну половину оставил в кожуре, которая была похожа на цветок.

Тао Хуайнань протянул оставшуюся половину апельсина вместе с кожурой и положил рядом с

учебником Чи Ку.

Чи Ку посмотрел и оттолкнул обратно.

Тао Хуайнань услышал это, взял апельсин и съел все дольки.

Он свернул кожуру и хотел выбросить в мусорное ведро, но ещё не успел, как услышал, как у двери кто-то крикнул:

— Чи Ку, выйди.

Во время обеда в классе было мало людей, в школе вообще было тихо, и те, кто остался, подняли головы и посмотрели на дверь.

Чи Ку тоже поднял голову. У двери стояли двое, двое из тех четверых, что были в прошлый раз у водопровода. Тот, кому Чи Ку дал пощёчину, снова постучал в дверь и крикнул ему выйти.

Чи Ку положил ручку и встал.

Тао Хуайнань схватил его за запястье.

Чи Ку стряхнул его руку и тихо сказал:

— Сиди тут и не двигайся.

— Не ходи, — Тао Хуайнань не отпускал его.

— Всё в порядке, — Чи Ку оттолкнул его руку и снова сказал. — Просто сиди и не двигайся, и всё будет хорошо.

Чи Ку спокойно вышел, а Тао Хуайнань не смел пошевелиться, боясь снова стать обузой для Чи Ку.

Долгие десять минут Тао Хуайнань сидел на месте, и его руки дрожали.

Когда Чи Ку вернулся, он немного запыхался и потёр тыльной стороной руки за ухом. Тао Хуайнань протянул руку, чтобы потрогать его, но Чи Ку отстранился и сказал:

— Грязно.

— Ты что делал? — тихо спросил Тао Хуайнань.

Чи Ку взял салфетку и прижал к месту за ухом, сказав:

— Ничего.

Через некоторое время в коридоре раздался шум, доносившийся прямо к их классу. Казалось, там было много людей, и Тао Хуайнань боялся, что Чи Ку пострадает, даже хотел позвонить брату, но Чи Ку его остановил.

В итоге люди у двери пошумели и разошлись, ничего не случилось.

Тао Хуайнань вздохнул с облегчением, положив лицо на руку Чи Ку, лежащую на столе, и дрожащими ресницами сказал:

— Я так испугался...

Чи Ку не оттолкнул его, позволив лежать на своей руке, и снова сказал:

— Всё в порядке.

Последний день дополнительных занятий Тао Хуайнань провёл в напряжении, боясь, что после школы кто-то снова поджидает Чи Ку.

Безопасно добравшись домой, Тао Хуайнань успокоился, положил рюкзак и куртку на диван, хотел что-то сказать Чи Ку, но тут вспомнил об их холодной войне и снова замолчал.

Чи Ку пошёл в душ, а Тао Хуайнань медленно последовал за ним.

Он был таким бледным, что на руках и ногах были видны синие вены. Городские дети такие нежные, и если где-то ушиблись, синяки долго не проходят.

Тот раз, когда он ударился об угол стола в классе, уже прошло столько времени, а на бедре всё ещё остался слабый желтоватый след.

<http://bllate.org/book/16228/1458139>